

ХУДОЖНИК.

Елена Долгих
Фото Синтия Гай

JAZZMAN.

В артистических кругах
Бостона словосочетание
Misha Lenn –
синоним успеха и везения.
После десяти лет отсутствия
на родине, в России, носитель
этого имени, художник,
умеющий материализовать
флер города и мира,
успел получить
в Москве и Петербурге
ворох предложений –
проведа в столицах
едва ли месяц.

ПЕТЕРБУРЖЕЦ.

– Что заставило Вас, профессионально успешного человека, десять лет назад уехать из России?

– Я достиг некоторой вершины здесь, и мне захотелось достигнуть ее в другом месте. Ехал в Америку просто в гости. Искать новых сил, энергии, жизни; новых не то чтобы приключений, но историй. А остался там как гениальный художник.

– ...?

– Есть специальная виза – «для людей с экстраординарными способностями в науке, культуре и спорте». Нужно доказать, что ты гений, и получить грин-карту в течение трех дней.

– Вам не составило труда это доказать?

– Заняло время – собрать документы, письма по всему миру. У меня много работ в частных коллекциях Германии, Швеции, Франции и Израиля. То же в России. Здесь я был главным художником шоу-бизнеса при «Ленфильме». Работал с «Лицедеями», создавал стиль конкурсам красоты и джазовым фестивалям. В Петербурге делал лого для Центра фирменной торговли и для художественного салона «Наследие» на Невском – в виде куполов. Однажды шел по улице и услышал, как молодой человек, разговаривая по телефону с девушкой, назначает встречу «под куполами». Для меня это было абсолютным открытием: то, что ты сделал, стало жить своей жизнью. Я прибежал к своей подруге в «Лавку художника» со словами: «Мы утвердились. Люди назначают встречи под куполами, которые нарисовал я».

– В Америке пришлось начинать с нуля?

– Все начиналось с выставок, потом были победы в профессиональных конкурсах, потом уже – аукционы моих

работ в Бостоне и Нью-Йорке. Возникли новые люди, с ними – возможности. Я сделал книгу о моде – меня пригласили преподавать иллюстрацию моды. Одно цеплялось за другое. Потом появились заказы на иллюстрацию для Calvin Klein и Donna Karan, печатавшиеся в «New-York Times» и «Boston Globe». Распространяющиеся ситуации – интересные.

– В Вашем случае они всегда распространяются так стремительно?

– Я очень быстрый человек. Мне тяжело ходить, мне надо бегать. У меня очень большая скорость. В Москве скорость, может, даже больше, чем в Америке. Бурление происходит много интересных вещей, они возможны, они в руках, их хочется делать.

– На какой скорости Вы пишете картины?

– Хм, наверное, так же, как езжу – 100 миль, то есть 160 километров в час. Меня, правда, часто штрафуют и пытаются посадить в тюрьму. Друзья говорят, у меня есть две техники. Одна – быстрая, а вторая – очень быстрая. Однажды сделанный за двадцать минут набросок выиграл конкурс Новой Англии на лучшую акварель 1998 года. Я рисую с утра до вечера. Только акварелью. Акварель – техника текучая, прозрачная. От нее возникает ощущение легкости, воздуха. Еще в институте преподавательница сказала: «Независимо от того, сколько ты потратил сил на работу над картиной, у зрителя должно быть ощущение, что это сделано легко, в несколько мгновений». Как говорила Анна Андреевна – «полуласково, полуплениво»; и в то же время точно, с невозможностью ничего отбросить.

– Как можно обозначить Вашу художественную манеру?

– Я пытаюсь совмещать импрессионизм, размытые тона и декоративность. На мои картины смотришь как бы сквозь воздух. Глаз не устает. Любимцы – Климт, Дега, Моне, Ренуар, Лотрек. Русские сезоны в Париже. Люблю танец, музыку. Сам играю на пианино. Я джазовый человек, а джаз – это тема, которая неповторима. Завтра или через пять минут ты не сможешь сыграть так же. На моих картинах люди превращаются в орнамент, который, может, кем-то будет дорисован, а может быть, и – нет. Может, они так и останутся брызгами цвета.

- У Вас есть потребность эпатировать публику?

- В Бостоне писали, что на одну из своих выставок Миша Ленн вошел тогда, когда никто уже не ожидал его увидеть. Я опоздал, но не специально - так получилось. Я, наверное, так и живу - радостно играя. Однажды на выставке нескольких художников я оставил свои работы и попросил коллегу, чтобы он последил за ними. Мне нужно было бежать на обед с друзьями. Прибежал обратно. Оказалось, что единственным художником, у которого купили все картины, стал я. Человек, который на ней не присутствовал. Многих это раздражает. Я же воспринимаю это легко. Мне кажется, что люди тянутся к жизнерадостным и сильным. Я отношу себя к тем, кто сделал себя сам. Была одна грустная история в моей жизни, после которой я себя сделал жизнерадостным. Не то чтобы я в это играю. В любой жизненной истории можно найти кусочки, которые будут нас радовать и вдохновлять. Я собираю истории. Мне нравится их развивать, показывать и что-то завоевывать.

- Вы их коллекционируете для собственного удовольствия или трансляции?

- Естественно, всегда хочется делиться. Всем хочется делиться, это здорово. Когда не делишься, это не приносит тебе никакой радости.

- Заметно, что Вам приносит радость процесс изображения женщин. Чувствуете

Evening color

ли Вы себя при этом Пигмалионом?

— Это не конкретные образы, а стремление к идеалу. Я люблю рисовать женщин в легкой изысканной манере. Мужчины после этого смотрят на них иначе, а у женщин появляется кураж. Если я могу дать людям ощущение радости — это важно. У нас существует только два вопроса в жизни: «что» и «как». Я пытаюсь ответить на второй — как? Радостно, легко, всегда с раскрытыми объятиями.

— При всей любви к «мирискусникам» все-таки Ва-ша женщина — это героиня Бакста, а не Ида Рубинштейн Бенуа...

— Правильно. Если ты смотришь на картину и хочешь быть в ней, она — твоя. Бакст — мой. Здесь совпадают энергии, принимаются послы. У каждого человека есть свое направление в жизни. Не обязательно плохое или хорошее — просто мое или не мое. «Не мое», например, — глобальные сюжеты. «Мое» — легкие зарисовки жизни, пойманное мимолетное движение. Я жаден до ситуаций. Стою, смотрю на белый лист бумаги: вырабатывается адреналин и желание наброситься на лист. Набросать туда красок, потом в них потихонечку разбираться, находить формы и выдавать эмоции.

— Нуждаетесь ли Вы при этом в допинге?

— Я не пью и не курю. Белый лист бумаги — мой допинг.

Day color